

Лезвие ножа для фруктов было острым, оно легко срезало длинную полоску яблочной кожуры, но затем соскользнуло на палец, оставив на большом пальце глубокий порез. Кровь быстро выступила из раны.

Из-за юного возраста голос Чэнь Сяонуаня был звонким и пронзительным. Его громкий крик привлек внимание всех в палате: около десятка человек одновременно уставились на Ду Мифаня, сидевшего у кровати.

Ресницы Ду Мифаня дрогнули. Он сунул окровавленный палец в рот, высосал кровь и, опустив голову, продолжил спокойно чистить яблоко.

На его полуоткрытом профиле не было ни злости, ни печали, словно он вовсе не слышал крика ребенка.

Фань Яо постепенно остановил руку с ручкой, на мгновение задумался и тоже повернулся к нему, наблюдая за тем, как тот сосредоточенно чистит яблоко. Заметив его паузу, Ду Мифань поднял голову и улыбнулся:

— Говори, почему остановился?

Все в палате смотрели на него, но Ду Мифань словно не замечал этого, устремив взгляд на лицо Фань Яо:

— Почему ты на меня смотришь? Тоже хочешь яблоко? Тогда я почищу тебе одно.

На его лице не было печали, только радость, и улыбка сияла, как звезды. Однако Фань Яо не смог не заметить легкой грусти и смущения, скрытых в глубине его темных глаз.

Фань Яо отвел взгляд.

Он опустил голову, помолчал и медленно поднялся, чтобы выйти:

— Выйдем на минутку.

Ду Мифань удивился:

— Подожди, я сначала доделаю яблоко.

Женщина, которая пошутила, смотрела на опущенную голову Ду Мифаня с сложным выражением, в котором преобладало сочувствие.

Неудивительно, что он такой воспитанный, ведь он сирота, о котором никто не заботится.

Детские слова ранят больше всего. Чэнь Сяонуань, закончив кричать, начал торопить Ду Мифаня, чтобы тот быстрее почистил яблоко, так как хотел его съесть. Ду Мифань быстро справился с задачей, разрезал яблоко пополам и дал каждому из братьев по половине.

Закончив с яблоком, он встал и медленно вышел из палаты под пристальными взглядами, чтобы найти Фань Яо.

Фань Яо стоял у окна в коридоре, спиной к нему, глядя наружу.

Как только Ду Мифань вышел, в палате сразу же начались разговоры. «Он такой несчастный», «Не ожидал», «Выглядит как хороший мальчик» — эти слова быстро донеслись до Ду Мифаня,

который еще не успел далеко уйти. Слушая обсуждение своей персоны, он опустил голову и подошел к окну.

Ду Мифань остановился рядом с Фань Яо, который не смотрел на него, продолжая наблюдать за происходящим за окном. Несколько мгновений они молчали, пока Ду Мифань не нарушил тишину:

— Тебе душно в палате?

Фань Яо не ответил, рассеянно глядя сквозь стекло на толпу людей внизу.

Он видел молодую пару, радостную после получения результатов анализов; мальчика, который провел несколько дней в больнице, вылечившись от пневмонии, и теперь его отец нес его на плечах, весело выходя из больницы; мужчину средних лет, попавшего в аварию и потерявшего ногу, сидящего в инвалидной коляске, а за ним женщину, которая теперь несла на себе бремя всей семьи, с лицом, искаженным жизненными трудностями.

Мир полон разных судеб.

Фань Яо порылся в кармане, достал молочную конфету и протянул её:

— Съешь конфету.

Если на душе горько, съешь сладкого.

В детстве он любил эти конфеты, и его дедушка, который его обожал, всегда держал для него запас. С возрастом он перестал любить сладкое, но привычка дедушки не изменилась, и он все так же давал ему конфеты. Фань Яо носил их в кармане, не съедая, и теперь онигодились.

Ду Мифань взглянул на конфету, взял её и осмотрел:

— Как ты узнал, что я люблю эти конфеты? Давно их не ел.

Фань Яо повернулся к нему, взгляд скользнул по его спокойному лицу, и он тихо произнес:

— Я уже говорил, не надо улыбаться, если не хочется.

Улыбка на лице Ду Мифаня замерла. Он сжал губы, опустил голову и на мгновение задумался, затем начал разворачивать конфету.

Эта молочная конфета была старой маркой, которую давно не видели. Когда он положил её в рот и слегка прикусил, густой молочный аромат распространился по всему рту, напоминая вкус его детства.

Фань Яо наблюдал за его действиями и мягко сказал:

— Если они тебя усыновили, то должны были подписать документы. Бросить тебя до совершеннолетия — это нарушение закона. Ты не думал подать на них в суд?

Ду Мифань держал в руках сине-белую обертку, сворачивая её в маленький самолетик, затем разворачивал и качал головой:

— У всех свои трудности. Нет смысла судиться. Я могу жить и один.

Он тихо улыбнулся.

Фань Яо смотрел, как его тонкие, сухие и ловкие руки сворачивают обертку в форму бабочки. Бумага двигалась в его пальцах, как порхающая стрекоза. Фань Яо поднял взгляд на его лицо:

— А ты чувствуешь обиду?

Ду Мифань развернул бабочку, выпрямив бумагу:

— Фань Яо.

Фань Яо смотрел ему в глаза:

— Да.

Ду Мифань поднял взгляд, их глаза встретились на мгновение, и он беззвучно улыбнулся. Он легонько поднял руку, вытирая слезу, которая, то ли от смеха, то ли по другой причине, появилась в уголке его глаза, и четко произнес:

— Когда у тебя что-то есть, ты можешь думать, обижаться или ненавидеть. Когда у тебя ничего нет, у тебя нет выбора, ты можешь только держаться.

Неважно, приносит ли эта связь радость или боль, только крепко держась за неё, ты можешь доказать, что ты не просто безжизненная оболочка, а действительно живешь. Он уже отказался от связи с Бай Линем, как он мог отказаться от семьи Чэнь? Хотя он не был их родным сыном, он все же был бывшим приемным ребенком. Если бы даже этого статуса не было, он был бы одиноким и незащищенным в этом мире, и чем он тогда отличался бы от мертвого?

— Мне никогда не нужно было много, только то, за что можно держаться.

Лунный свет, проникая через окно, освещал часть деревянного пола, который был тщательно вымыт. Фань Яо лежал на своей мягкой кровати, ворочаясь. Прошло уже три часа, а он все еще не мог уснуть, что было необычно для него, кто обычно засыпал мгновенно.

Фань Яо перевернулся, пытаясь заставить себя уснуть, но безуспешно. В голове крутились сцены из больницы, он думал о глазах Ду Мифаня, в которых было столько усталости и печали, что они глубоко запечатлелись в его памяти и не давали покоя. Каждый раз, когда он вспоминал их, на душе становилось тяжело.

«Когда у тебя что-то есть, ты можешь думать, обижаться или ненавидеть. Когда у тебя ничего нет, ты можешь только держаться».

«Мне никогда не нужно было много, только то, за что можно держаться».

Связь? Разве он, я и Цинхуа не друзья? Разве это не считается?

Возможно, и нет. Цинхуа всегда был активным и общительным, у него было множество друзей. А я всегда относился к дружбе легко, для меня это не имело большого значения. Так что мы с Цинхуа вряд ли можем считаться той самой связью.

Настоящая привязанность — это когда кто-то думает о тебе в трудную минуту, когда ты можешь поделиться радостью в первую очередь, и даже если тебе нужна помощь, этот человек первым делом вспоминает о тебе, а не о ком-то другом.

Неважно, даешь ты или берешь, тот, кто первым вспоминает тебя, и есть тот, за кого можно держаться.

Если в семье Чэнь случается что-то, они первым делом обращаются за помощью к Ду Мифаню. Усталость или обида — все это не так важно, важно то, что они думают о нем, и для Ду Мифаня это доказательство его существования.

Быть нужным — это тоже счастье.

Фань Яо перевернулся и, лежа на кровати, медленно произнес это имя:

— Ду Мифань.

Они действительно связаны судьбой, иначе почему он так часто видел его в моменты грусти, которые тот маскировал улыбкой? Каждый раз он выглядел все более трогательным, что вызывало в его душе смятение.

Ладно, если ему нужно то, за что можно держаться, я дам ему это.

Автор имеет что сказать:

Благодарю читателя «Синьюоуэй» за поддержку и «полив» питательным раствором~

Ду Мифань не знал, что господин Фань решил подарить ему тепло. В этот момент он сидел на своей маленькой двухместной кровати, глядя на молочные конфеты, которые Фань Яо ему подарил, и чувствовал внутри тепло и уют.

<http://bllate.org/book/16813/1545932>